

— Так как вознаграждение за вашу свободу, к несчастью, упало в грязь, я должен просить тебя, красавица, поднять его для меня.

Он думал, что женщина откажется. Лунный свет не позволил разглядеть, как гнев окрасил эти круглые щечки, но по тому, как сжались ее губы и гордо вскинулась голова, стало ясно — это порядочная дама. Ни одна шлюха так бы не отреагировала на унижение — они к этому привыкли.

— Сделай это! — отрезал Крофтон. — Пусть хам отстанет!

Она вздрогнула от его голоса, но снова повиновалась, пошла вперед и склонилась, чтобы подобрать деньги и серьги. Каждое ее движение было исполнено достоинства.

Трису не нравилось все это. Он слышал, что Крофтон любит грубые развлечения и что он частенько совращает девственниц — чем меньше они хотят этого, тем для него лучше. Быть может, он нашел способ принудить девственницу из хорошей семьи быть в центре его праздника?

Женщина выпрямилась и подошла к лошади Триса, держа в руках деньги и драгоценности.

Он заглянул в ее глаза. Они были полны презрения. Черт возьми, кем она себя возомнила? Жанной д'Арк? Дамочка ехала с Крофтоном на оргию, и для нее было лучше искать помощи, чем обращаться с вероятным спасителем как со слизняком. Трис направил Цезаря вперед. Женщина отпрянула, на мгновение самообладание покинуло ее. Боятся лошадей? Когда ее губы расслабились, то стали очень соблазнительными.

Трис вспомнил, что надо следить за коварным Крофтоном и не стоит отвлекаться. Казалось, тот просто наблюдает за забавным зрелищем. Плохой знак. Трис послал Цезаря вперед еще на один шаг, и женщина снова отшатнулась.

— Если ты будешь отступать, милая, мы будем здесь торчать всю ночь.

Ее губы снова сжались.

— Вот и хорошо. Тогда кто-нибудь придет на помощь и арестует тебя.

— Не успеет. Деньги?

Женщина несмело шагнула вперед, протянув деньги и драгоценности Трису. Контраст между ее бравадой и очевидным страхом перед Цезарем тронул Триса. Он взял добычу, и женщина быстро отступила. Поделив банкноты примерно на две равные части, он швырнул одну часть обратно на землю.

— Я никого не пускаю по миру.

Крофтон засмеялся.

— Такая сумма меня не разорит. Мы свободны?

Трис обратился к женщине:

— Я верну остальные деньги и твои серьги за поцелуй, милашка.

Она отпрянула еще на шаг, но Крофтон подтолкнул ее вперед.

— Давай, дорогая, поцелуй его.

Трис увидел, как гневный огонь вспыхнул в глазах женщины, но и теперь она не стала протестовать. Какую власть имел над ней Крофтон?

— Ну? — спросил он.

— Это будет поцелуй по принуждению, — ответила она так холодно, что по спине Триса побежали мурашки. Ему нравился ее характер.

— Я не рискну спешиться, так что ты должна подняться ко мне.

— На лошадь? — Она пошатнулась от страха.

— На лошадь.

Крессида Мэндевилл уставилась на наглого безумца, возвышавшегося на огромной лошади, понимая, что ее терпение на пределе. Она заключила отвратительную сделку с лордом Крофтоном,

и ей придется неделю быть его любовницей. В карете она уже выдержала его домогательства, хотя ее чуть не стошнило. Но она не сядет, она не может сесть на лошадь к разбойнику!

— Оставь деньги себе! — отрезала она.

— Поцелуй его! — зарычал Крофтон.

Крессида не успела опомниться, как злодей спрята- л пистолет, подъехал к ней, наклонился, подхватил на руки и усадил в седло перед собой.

Она подавила крик, чтобы не показать, как сильно напугана, а очутившись на лошади, крепко закрыла глаза и стала молиться.

— Тише, тише, малышка, спокойно! Здесь на- верху не так плохо, уверяю тебя!

Насмешка в его голосе уязвила гордость плен- ницы. В самом деле, она сидела на лошади, которая стояла смирно, — казалось, все не так уж плохо, пока она могла держаться за большое, крепкое тело незна- комца.

Крессида приоткрыла глаза. Она могла видеть только темную одежду, ее щека касалась теплой шер- сти, чувствовался запах сандалового дерева.

В самом деле очень странный разбойник.

Крессида заставила себя разжать руки и выпря- миться. Она повернулась в сторону Крофтона. Он застыл на месте, так как рядом стоял еще один зло- дей с двумя пистолетами. Этот Ворон осторожен. Но Крофтон и не собирался вмешиваться. Он, должно быть, находил происходящее забавным.

Крессида вспомнила о том, как несколько меся- цев назад была в лондонском театре и смотрела пьесу, в которой разбойник оказался героем. В жизни, ко- нечно, все по-другому.

10 Все равно, если выбирать между этими двумя мужчинами... Она отогнала эти мысли.

Крессида сидела в седле боком впереди незна- комца и была прижата к его телу. Их бедра и ноги соприкасались.

Она вдруг почувствовала, как он пришпорил коня и тот рванул вперед.

— Что ты делаешь? — закричала испуганная жен- щина.

— Немного увеличиваю дистанцию между нами и твоим галантным кавалером, милая. Если я соби- раюсь уделить тебе должное внимание, то не хочу, чтобы это произошло на его глазах.

Сарказм в словах «галантный кавалер» уколол ее.

— Ты не имеешь права смеяться над ним! Ты вор!

— Как горячо ты защищаешь его!

Ей нужно было осмотреться. Они уже почти скры- лись за деревьями. Крессида оглянулась назад. Они были ярдах в пяти от кареты.

— Стой! Сейчас же отпусти меня!

— Какая ты властная! Я обожаю, когда мне при- казывает женщина.

От его тихого голоса у Крессиды по коже пошли мурашки. Она не может поцеловать этого человека! Она должна спастись. Но как?

Ле Корбо убрал пистолет в кобуру, чтобы схватить ее. Если бы она была настоящей героиней, непре- менно воспользовалась бы этим обстоятельством. И что бы она сделала? Убила бы его? Но от чего она собирается спасти себя? От поцелуя. Только поцелуй грозит ей. Суший пустяк, если сравнить с той участью, которую она для себя выбрала. Весь Лондон говорил о Ле Корбо, и некоторые дамы разезжали по этим до- рогам, надеясь встретить и поцеловать этого негодяя.

Поцелуй — это ничто... Но вдруг лошадь остано- вилась, Крессида едва подавила крик. Она должна поцеловать его сидя на лошади? Однако у нее не было выбора.

Крессида подняла голову к бородатому лицу в маске.

— Может, мы покончим с этим, чтобы я могла продолжить свой путь?

Она увидела, что он улыбается, и подумала, что он, возможно, красив. Его губы, несомненно, были твердыми, но и чувственными тоже.

Эти губы приблизились к ней, а его борода и усы шекотали ее щеки.

Женщина попыталась отодвинуться, но сильная рука скользнула ей за голову, удерживая ее. Его губы раскрылись, и язык коснулся ее губ.

Крессида была беспомощна в ловушке его сильных рук и ненавидела себя за это. Она мечтала не о таком поцелуе. Здесь не было речи о нежности или страсти. Как Крофтон, так и этот разбойник были подлыми людьми, и она желала им обоим отправиться в ад. Женщина холодно приняла прикосновение губ ненавистного мужчины. Она не позволит ему получить удовольствие от ее сопротивления. По правде говоря, она сидела спокойно также и потому, что любое неловкое движение могло напугать это ужасное животное под ней.

Мужчина засмеялся и снова коснулся ее губ. Крессида отшатнулась, ее ладони сжались в кулаки. О, она мечтала ударить, поколотить, поцарапать ужасное животное, которое напало на нее.

Но тут он отодвинулся и внимательно посмотрел на нее.

Крессида поняла, что совершила ошибку. Может ли она ее исправить?

Трис посмотрел на Крофтона. Затем он засунул серьги и банкноты в глубокий вырез ее платья. Прежде чем она смогла выразить свое возмущение такой дерзостью, он резко свистнул, направил коня

12 к лесу, увозя женщину с собой.

Страх на мгновение лишил ее голоса, но затем она закричала:

— Остановись! Что ты делаешь? Помогите!

Разбойник прижал ее лицо к своей груди так крепко, что она едва могла дышать, не говоря о том, чтобы кричать. Конь тяжело скакал, унося их прочь. Теперь Крессида боролась, била своего обидчика руками и ногами, пыталась царапаться. Лучше она упадет с лошади, чем окажется похищенной разбойником!

У нее есть свой план, и в него не входит такое приключение. Боже, что делать?

Она услышала, как мужчина выругался, и вдруг лошадь остановилась. Крессида высвободила руку и изо всех сил дернула разбойника за бороду — клочок волос остался у нее в руке.

— Проклятье! — Он схватил ее за руки. — Тихо, женщина!

Она вырывалась изо всех сил.

— Пусти меня!

Мужчина до боли сжал запястья Крессида. Еще чьи-то сильные руки схватили ее за лодыжки.

— Что, не справишься с дамой? — прогудел незнакомый насмешливый голос.

— Перестань смеяться и подумай, чем связать ее. — Речь разбойника и его сообщника была как у аристократов. Крессида даже замерла от этого открытия. Но затем до нее дошел смысл слов «связать ее», и она снова стала бороться. Женщина хотела закричать, но рука в перчатке закрыла ей рот.

— Признай, что тебя победили, глупая. Я не желаю тебе зла, а спасаю тебя от такой судьбы, которая хуже смерти. Ты поблагодаришь меня, когда к тебе вернется разум.

Крессида уставилась на своего врага, собираясь крикнуть ему о том, как он самонадеян, 13

но могла только зарычать. Она лягалась и извивалась, но, несмотря на это, с нее сняли вечерние туфли, подвязки, шелковые чулки. Затем ее лодыжки связали. Через пару минут были связаны и запястья.

— Нужно надеть ей на глаза повязку, — сказал проклятый похититель.

Крессида пыталась бороться, но путы на руках и ногах и отчаяние отняли у нее все силы. Слезы обожгли ей глаза, которые уже закрыли темной повязкой.

О боже, если бы снова оказаться дома, где не было других забот, кроме выбора джема на завтрак!

— Думаешь, это сойдет за ограбление? — спрашивал один разбойник у другого.

— Черт побери, надеюсь. Больше я этим не занимаюсь!

— Не говори лишнего — уши леди пока ничем не закрыты.

— Будь оно все проклято...

Лошадь снова понеслась вперед. Крессида могла бы закричать, но не осмелилась. Теперь она не могла даже ухватиться за что-нибудь, а полностью зависела от сильных рук своего похитителя.

— Куда? — спросил второй мужчина.

— В дом. Поэтому у нее повязка на глазах.

Дом, который она не должна видеть, — что ее ждет?

Крессида похолодела от страха. Ле Корбо не француз, оказывается, а англичанин. Да еще аристократ. Он сделает все, чтобы уйти от возмездия за свои преступления. Убить ее — сущий пустяк для него.

«Боже, спаси меня! Боже, спаси меня! Боже, спаси меня!»

Женщина возносила молитву каждый раз, когда ее придавливало тело похитителя. Она беззащитна,

отдана на милость этой массе мускулов и силы.

Крессида вздрогнула и возблагодарила небо, когда лошадь остановилась. Ее тошнило, болели руки и ноги. Мужчина соскочил на землю и усадил женщину боком на гладкое седло. Затем он ушел.

Она осталась одна — связанная, с повязкой на глазах, на холодном воздухе. Лошадь тронулась с места, и Крессида упала! Она закричала, и в тот же момент сильные руки подхватили ее. Она заплакала от страха, от усталости и от благодарности за сильные руки, схватившие ее, за сильное тело, к которому она была прижата. Кто это — еще одно чудовище на двух ногах или ее спаситель?

— Дорогая леди, пожалуйста, не бойтесь, — сказал голос. Мужчина, казалось, был искренне озабочен. Это еще один злодей?

Крессида устала бояться. Она могла только молиться. И еще слушать и анализировать звуки. Сейчас мужчины, наверное, шли по мягкой земле — не было слышно звуков шагов.

Она могла ощущать запахи. Не было запаха лошадей, но пахло хлебом. Ферма? И конечно, сандаловое дерево, она уже так привыкла к этому запаху, что почти не замечала его.

Затем под ногами мужчин послышался хруст. Гравий? Но на фермах не было дорог с гравием. Значит, какое-то жилище.

На нее надели повязку, чтобы она не могла увидеть дом. Вернее, чтобы она не смогла узнать его, если вернется сюда вместе с полицией. Это означало, что ее все же собирались когда-нибудь отпустить. Видимо, после того, как они осуществят свои гнусные планы. А она думала, что такое бывает только в романах!

Все остановились. Крессида услышала щелчок. Замочная скважина? Да. Дверь не скрипнула, но издала слабый звук, открывшись, и жен-

щину внесли в дом. Ни единого дуновения ветерка. Спертый воздух. Запах лака. Ровное тиканье больших часов и деревянный пол под ногами ее похитителей.

Снова ожил страх.

— Пожалуйста, отпустите, — сказала она.

— Тихо. Издай хоть один звук, и я заткну тебе рот. Я помещу ее в моей комнате.

Ле Корбо понес ее наверх. В свою комнату. В свою спальню.

Крессида молилась. Это было бы отвратительно с Крофтоном, но таков был бы ее выбор, и это послужило бы ее цели. Неужели она потеряет честь по прихоти бандита?

Открылась еще одна дверь. Ковер под башмаками. Более сильный запах сандала.

Его спальня.

Ее уложили на что-то мягкое — на его постель.

Глава 2

Сердце Крессиды, казалось, бешено билось целую вечность, но теперь, пока она готовилась к самому худшему, оно перешло на беспокойный глухой стук.

Сначала она слышала только свое сердцебиение, как будто она была одна, но какой-то древний инстинкт подсказал ей, что он здесь. От этого тишина пугала больше, чем крики. Крессида повернула голову так и сяк, как будто могла обнаружить чье-то присутствие.

Затем разбойник сказал:

— Никто не причинит тебе вреда. Пожалуйста, поверь.

Странно, но она поверила. Ее бешеное сердцебиение замедлилось.

— У меня есть дела, — сказал он, — поэтому я должен на какое-то время оставить тебя здесь

связанной. Я прошу прощения за это, но так будет лучше. — Его голос приблизился. — Однако мне нужно связать тебе руки.

— Нет!

Он проигнорировал ее слова, обернул чем-то на уровне локтей и завязал. Затем он ушел. Было слышно, как открылась и закрылась дверь.

Теперь она была одна.

Крессида не знала, благодарить ли небо или дать выход гневу. Этот негодяй украл ее, нарушил ее планы и теперь оставил здесь связанную, с завязанными глазами. Она подняла руки, чтобы стащить повязку, и поняла, зачем он связал ей руки, — их невозможно было поднять до глаз.

Женщина повертела головой на подушке, но не смогла сдвинуть повязку. Она была завязана на затылке поверх волос; шпильки, державшие прическу, зарывались глубже и причиняли боль при каждом движении.

— Чтоб тебе удавиться! — пробормотала Крессида, обращаясь к отсутствующему негодяю. Если ей повезет, его поймут, и он попляшет на виселице!

Представив эту картину, она подумала, что пока ее обидчик не заслужил смерти. У него была причина надеть на нее повязку, чтобы она не увидела, где находится. И поэтому ему не придется убивать ее. Так ли это?

Была теплая летняя ночь, но по телу Крессиды пробежал холодок, и под повязкой потекли слезы.

Трис сбежал вниз по лестнице и обнаружил, что Карадок Лайн ждет его в гостиной, попивая бренди. Кэри, крепкий красавец блондин, обычно восхищался выдумками Триса и его чувством юмора.

Сейчас он явно не одобрял поступки Триса.